Виктор Вахштайн

Рецензия на книгу: Колхас Р. Нью-Йорк вне себя. М.: Strelka Press, 2013.

Писать рецензию на книгу Рема Колхаса — начинание заманчивое и бессмысленное. Есть тексты-актанты и тексты-посредники. Задача последних — служить приводным ремнем, обеспечивающим сцепление авторского и читательского действий. Они лишены свободы воли и являются эффектом операций письма/чтения. Напротив, тексты-актанты — полноценные действующие лица. Они вызывают к жизни новые тексты, используя людей и технику в качестве своих ресурсов и посредников.

Книга Рема Колхаса «Нью-Йорк вне себя» — актант, наделенный неоспоримой властью. Вряд ли кто-то всерьез возьмется набросать список людей, книг, статей, архитектурных проектов, дизайнерских решений и учебных курсов, вдохновленных и приведенных в действие текстом колхасовского манифеста. Объем одних только рецензий, написанных на Delirious New York за 30 лет с момента его публикации, уже в десятки раз превышает объем самой книги. Вряд ли имеет смысл добавлять к виртуальным томам еще полторы тысячи слов. Вместо этого я попытаюсь проследить один сюжет, затронутый Колхасом в его манифесте, сюжет, имеющий непосредственное отношение к интересующим меня областям: социологии города, исследованиям технологий и эволюции коммуникации.

Скальпель

«Манхэттенизм», как описывает его Колхас, — это урбанизм скальпеля. Творцам Манхэттена удалось создать нечто, не имеющее аналогов в истории архитектуры, благодаря трем сечениям, трем разрезам на теле города и его зданий. Колхас называет эти разрезы «решетка», «лоботомия» и «схизма».

Вахштайн Виктор Семенович — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»). Научные интересы: социология повседневности, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук.

Решетка

«Решетка, — пишет Колхас, — или любая другая система деления территории метрополиса на максимальное количество различных режимов — описывает архипелаг из многих „городов внутри города“. Чем сильнее каждый „остров“ отстаивает свои особые ценности, тем больше укрепляется архипелаг как система» [с. 312].

Самое интересное и самое непроясненное в этой фразе — идея различных режимов, под которые дробится пространство города. О каких режимах идет речь? Вероятно, не просто о режимах повседневного функционирования (пространство отдыха, пространство работы, пространство свободного общения) — в самой идее функционального зонирования нет ничего нового и, тем более, специфически нью-йоркского. Мы вольны выбирать любое теоретически обоснованное решение: от экзистенциально нагруженной категории «режимов человеческого существования» (что автоматически перенесет колхасовский аргумент в совершенно иной философский контекст [Weiss, 1958]) до чуть более привычных социологу категорий «коммуникативных режимов» и «режимов вовлеченности» (что позволит задействовать ресурсы фрейм-анализа и теории коммуникации [Гофман, 2003]). Однако вернемся к решетке.

«В 1807 году Симеон де Витт, Говернер Моррис и Джон Резерфорд образовали комиссию по созданию новой модели городского развития. Эта модель должна определить, как произойдет „окончательное и полное“ заселение Манхэттена. Через четыре года они выступают с предложением проложить выше той демаркационной линии, которая отделяет существующую часть города от еще не существующей 12 авеню с севера на юг и 155 улиц с востока на запад. Это простое предложение описывает город 13 x 156 = 2028 кварталов (за вычетом топографических погрешностей) — матрицу, которая разом структурирует и всю свободную территорию острова, и всю будущую деятельность его жителей. Это манхэттенская решетка» [с. 16–17].

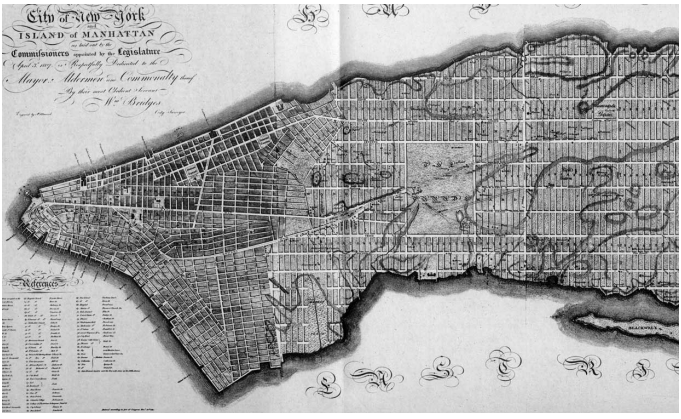

Рис. 1. Манхэттенская решетка 1811 г.

Обратим внимание на линию (рис. 1), которая отделяет уже заселенную часть города от планируемой к заселению. Авторы проекта, равно как и его горячие сторонники, акцентируют прагматические выгоды предложенного плана: «прямоугольные дома с прямыми стенами дешевле в строительстве и удобней для жилья», «цена земли тут оказалась необычайно высокой, <...> казалось уместным признать соображения экономической выгоды более весомыми». Колхас решительно отметает аргументацию создателей, уличая их в притворстве: «Манхэттенская решетка улиц — это прежде всего концептуальная догадка <...> В своем равнодушии к топографии, к тому, что уже существует, она провозглашает превосходство мыслительной конструкции над реальностью» [с. 19].

Историки идей легко опознают в этой фразе, как и в самой решетке, тяжелую поступь утопического воображения Нового времени. Именно утопический нарратив акцентирует безразличие к топографии, превосходство воображения над действительностью, удивительную способность мысли опережать время. Колхас усердно воспроизводит традиционные клише утопического мышления о городском пространстве: «Все кварталы решетки одинаковы. Их равнозначность обесценивает все системы артикуляции и дифференциации, по которым проектировались традиционные города. Решетка обессмысливает всю историю архитектуры и все уроки урбанизма» [с. 19]. Решетка — воплощение декартовой диктатуры Разума в градостроительстве, нововременной утопической рациональности. Достаточно вспомнить, как представляли себе организацию идеального городского пространства два великих утописта прошлого — Томас Мор (рис. 2) и Этьен Кабе (рис. 3).

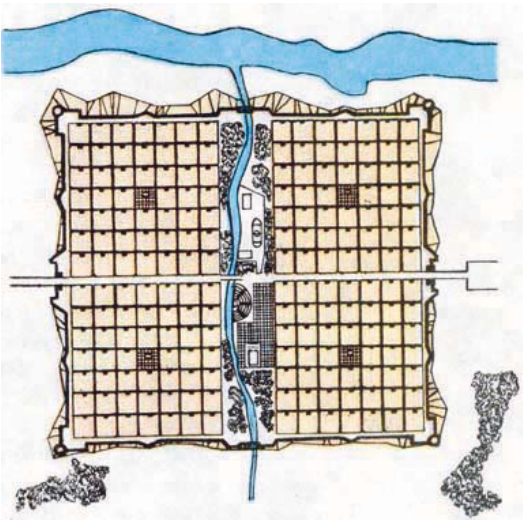

Рис. 2. Пространственная организация утопии: идеальный город Томаса Мора — Амауротум (1512).

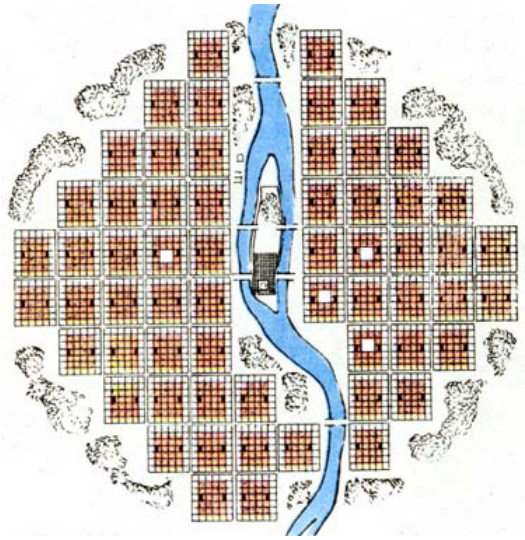

Рис. 3. Икария. Круглый город Этьена Кабе (1840).

«Решетка, — продолжает Колхас практически без перехода, — определяет тот новый баланс между регуляцией и дерегуляцией, при котором город может быть одновременно упорядоченным и текучим: метрополисом жестко организованного хаоса» [с. 19]. Здесь все утопические клише заканчиваются, а любое сходство с утопическими нарративами визионеров прошлого оказывается иллюзорным. В утопии нет места хаосу. Любая утопия тотальна — она обязывает нас мыслить город монотетически, разом, как единый проект. (Пользуясь выражением Альфреда Шпеера, личного архитектора Гитлера, город — это «единое пространство единой воли»).

В утопическом городе решетка — инструмент подчинения несовершенной топографии совершенному разуму. Именно поэтому даже в децентрализованных эгалитарных утопических проектах (воспевающих самоорганизацию и отсутствие абсолютного центра управления) гомогенность и строгое единообразие уличной решетки призвано устранить саму возможность архитектурной анархии. Колхас же указывает на прямо противоположную функцию решетки: «С такой структурой Манхэттен навеки получает иммунитет к любому (дальнейшему) тоталитарному вмешательству. Каждый его квартал — самая большая территория, над которой может быть установлен полный архитектурный контроль, — превращается в максимальный модуль реализации урбанистического ego. <...> Город становится мозаикой из эпизодов разной продолжительности, соперничающих друг с другом при посредничестве манхэттенской решетки» [с. 19]. Ключевое слово — посредничество. Но это

очень условная метафора: нью-йоркская решетка, скорее, разрывает связь кварталов, чем опосредует ее.

Утопическая решетка уподобляет кварталы друг другу, приводя их к общему знаменателю города. Напротив, нью-йоркская решетка разрезает пространство на равносторонние прямоугольники, наделяя их автономией друг от друга и от города в целом. При всем внешнем подобии эти сегменты практически суверенны: квартал антикварных лавок может соседствовать с жилым кварталом, а тот в свою очередь — с кварталом красных фонарей, сразу за которым обнаруживается поражающий своей мощью псевдоготический собор. Этой удивительной свободой, дарованной «нью-йоркскому архипелагу будущих островов» комиссией 1811 г., архитекторы впервые воспользуются только в 1890 г. при строительстве первого дома-квартала — предтечи всех манхэттенских квартальных небоскребов. Речь об арене Мэдисон-сквер-гарден. Полая коробка, занимающая полностью ячейку решетки, совмещала ипподром с ареной на 8000 зрителей, театр на 1200 мест и концертный зал на 1500. На крыше (где 16 лет спустя будет застрелен архитектор этого городского чуда) — ресторан. «Теоретически, — заключает Колхас, — теперь каждый квартал может стать оазисом неотразимой искусственности. Сама эта возможность предполагает отчуждение кварталов друг от друга: город перестает быть более или менее единой тканью, мозаикой из взаимодополняющих элементов — теперь каждый квартал совершенно сам по себе, *одинок*, словно остров» [с. 103].

Итак, первый взмах скальпеля проходит по границе кварталов.

Лоботомия

В некогда популярном романе Роберта Пирсига «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» описан такой сюжет. Преподаватель, чтобы объяснить идею университета своим студентам, прибегает к аналогии, рассказав «о здании деревенской церкви с неоновой рекламой пива, висящей прямо над центральным входом. Здание продали, и устроили в нем бар <...> Люди пожаловались церковным властям. Церковь была католической, и священник, которому поручили ответить на критику, говорил по этому поводу вообще весьма раздраженно. Для него этот случай открыл неописуемое невежество в том, чем в действительности является церковь. Они что, думают, что всю церковь составляют кирпичи, доски и стекло? Или форма крыши? <...> Само здание, о котором шла речь, не было святой землей. Над ним совершили ритуал лишения святости. С ней было покончено. Реклама пива висела над баром, а не над церковью, и те, кто не может отличить одно от другого, просто проявляют то, что характеризует их самих» [Пирсиг, 1989, с. 123].

Намекая на невежество своей паствы, герой Пирсига в действительности лицемерил. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что форма крыши, окон, дверей и украшений — все то, что составляет экстерьер церкви, мыслится прихожанами в соотношении с некоторым внутренним содержанием не в силу остаточного язычества и архетипической склонности к идолопоклонству. Он попытался сделать то, что до него уже успели сделать строители манхэттенских небоскребов — взмахом скальпеля расцепить внутреннее и внешнее.

Это сечение Колхас называет «лоботомией». «Все здания на свете имеют интерьер и экстерьер, — пишет он. — В западной архитектуре существует гуманистическая традиция установления морально-этической связи между внешним и внутренним: чтобы внешний вид здания непременно сообщал что-то важное о его начинке, и чтобы начинка, в свою очередь, это сообщение подтверждала. „Честный“ фасад прямо говорит, что за ним. Однако чисто математически при увеличении трехмерного объекта объем его внутреннего пространства увеличивается пропорционально кубу линейных размеров, тогда как площадь внешней поверхности — только пропорционально квадрату: то есть все меньшая площадь фасада представляет все больший объем интерьера. При достижении определенной критической массы сооружения связь между внешним и внутренним рвется» [с. 106].

Небоскреб, таким образом, обречен на лоботомию — архитектурный эквивалент «хирургического разрушения связи между лобными долями и остальным мозгом». Образованные лоботомией пространства Колхас проницательно называет «субтопиями». Фасад здания теперь принадлежит улице, его содержимое образует автономный мир, ничем не выдающий своего существования вовне. Экстерьер небоскреба — торжество формализма, интерьер — победа чистого функционализма. (Впрочем, с последним колхасовским тезисом могли бы поспорить компетентные теоретики архитектуры.)

Второй разрез скальпеля проходит вертикально за фасадом здания, расщепляя интерьер и экстерьер, форму и содержание, внутреннее и внешнее.

Схизма

В одном из номеров журнала Life за 1909 г. художник-карикатурист изобразил «легкую стальную конструкцию, поддерживающую 84 горизонтальных платформы, по размеру и форме в точности совпадающие с участком земли, на котором она построена» (рис. 4). Эта конструкция, которую Колхас называет «Теоремой 1909», стала своего рода манифестом будущего небоскреба — «утопического устройства по производству неограниченного количества новых территорий на одном участке метрополиса» [с. 87].

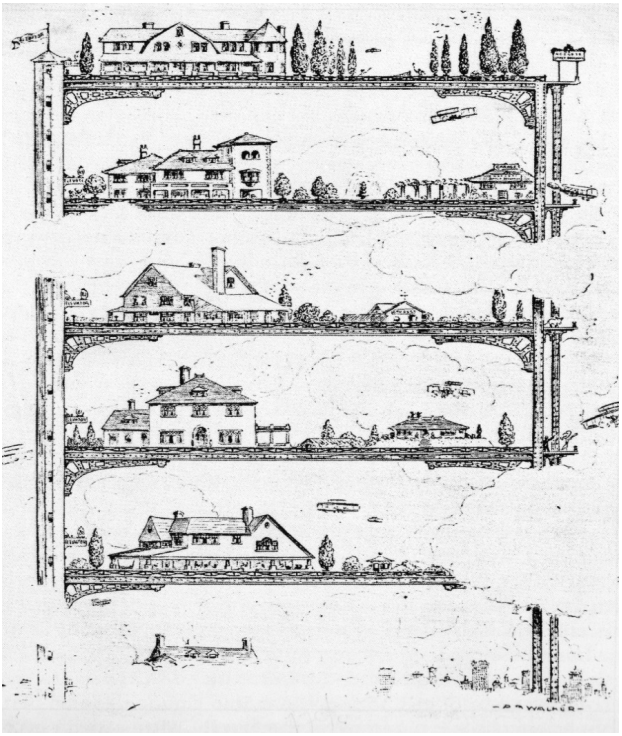

Рис. 4. «Теорема 1909».

Что именно роднит эту журнальную шутку с идеологией манхэттенского небоскребостроения? Автономизация уровней. «Каждый уровень, — пишет Колхас, — изображается как абсолютно автономная, независимая территория вокруг некоего загородного дома со службами, конюшней, коттеджем для прислуги и т. д., *будто остальных уровней не существует вовсе* [курсив автора. — ***В. В.***]. Подчеркнутое разнообразие форм, садов, беседок и т. д. создает на каждом этаже свой особый стиль жизни (и соответственно возможность особой идеологии), и все это поддерживается *абсолютно нейтральной несущей конструкцией [курсив мой. — **В. В.**]*»

Нейтральность несущей конструкции — залог вертикального соположения идеологий и, что важнее, — гарантия их взаимного нейтралитета. Основной вектор описанной Колхасом «Теоремы 1909» — взаимное обезразличивание элементов. Это всегда двунаправленный процесс: идет ли речь о кварталах города или об этажах здания, элементы приобретают автономию а) друг от друга; б) от целого (которое в силу этого перестает быть целым).

Любопытная деталь — открытый лифт Отиса снаружи нейтральной несущей конструкции. Но к нему мы еще вернемся.

«Между этажами не должно быть никаких протечек символизма, — продолжает Колхас. — На самом деле такая шизоидная аранжировка разных тем по этажам подразумевает особую архитектурную стратегию в решении интерьера небоскреба <...> Тут требуется систематический, хорошо спланированный разрыв всех связей между уровнями — вертикальная схизма. Отрицая какую-либо связь этажей, вертикальная схизма позволяет произвольно распределять их внутри одного здания» [с. 113–114].

Итак, третий взмах манхэттенского скальпеля разрезает этажи, расцепляет уровни, лишает здание единства и целостности, уподобляя его слоеному торту. С той только разницей, что слои в торте не могут располагаться друг на друге в произвольном порядке.

Пазл

Итак, решетка, лоботомия и схизма — три кита манхэттенского урбанистического проекта. Но как именно мы должны мыслить их соотношение? Что именно их связывает? Являются ли они тремя проявлениями одного процесса? Или, если сформулировать этот тезис более осторожно, имеют ли они общие основания? И где тогда следует искать эти основания? В самой эволюции архитектурного мышления? В экономических процессах (которые Колхас сознательно выносит за скобки)? Где тот скальпель, который делает возможным три роковых разреза, окончательно освобождающих кварталы от города, экстерьер от интерьера, этажи от здания?

Другой вопрос: насколько симметричны отношения между решеткой, схизмой и лоботомией? Имеем ли мы дело с равносторонним треугольником или одна из вершин занимает привилегированное положение (а, значит, гипотетически две другие могут быть производными или зависимыми от нее)?

Колхас не отвечает ни на один из этих вопросов.

Схизму и решетку связывает общая логика сепарации: элементы (этажи/кварталы) освобождаются от власти целого (здания/города) и от влияния друг друга. Тогда как логика лоботомии — логика расцепления формы и содержания, а не целого и его элементов.

Схизму и лоботомию объединяет масштаб: это взаимосвязанные процессы соответственно горизонтального и вертикального сечения здания. Решетка — феномен принципиально иного, городского масштаба.

Отношения между решеткой и лоботомией проследить куда сложнее. Их не связывает ни масштаб, ни логика сечения. При этом само понятие лоботомии может быть расширено до границ больших городских единиц. Мы знаем университетские городки, построенные по образцу заводских промзон (таковы некоторые английские краснокир-

пичные университеты), и жилые кварталы, построенные по примеру казарм или тюремных блоков (достаточно вспомнить рабочие окраины советских городов). Но все же это не лоботомия в колхасовском понимании термина — трудно представить себе лоботомию в масштабе города. Расцепление интерьера и экстерьера может пониматься как разрыв формы и содержания лишь метафорически. Удержимся здесь от классического хода в духе Георга Зиммеля, видевшего в отделении формы от содержания трагическую сущность современности (три классические «пустые формы» по Зиммелю: интеллект, деньги и проституция; своего рода пустой формой оказывается и небоскреб).

Сам Колхас, не отвечая прямо на вопрос об особом положении одной из вершин треугольника и ее определяющем значении для двух других, тем не менее, дает читателю подсказку. Лоботомия — результат выдавливания вверх участка городской территории (объем здания увеличивается непропорционально сильнее площади его фасада). Схизма — следствие автономизации квартала. А значит, именно решетка — гениальная концептуальная догадка комиссии 1811 г. — является условием возможности двух других сечений. Без решетки не было бы ни схизмы, ни лоботомии.

Маневр

Колхас движется дедуктивно: от решетки к схизме, от города к зданию, от Манхэттена к его небоскребам. Это одновременно историческое и логическое движение. Исторически эмансипация кварталов провозглашается почти на сто лет раньше (1811 г.), чем появляется прообраз схизмы — «Теорема 1909». Логически же схизма оказывается чем-то вроде *метонимии* городской решетки, интраполяцией логики размежевания кварталов на размежевание этажей.

У колхасовского теоретического маневра есть и еще одно любопытное следствие. Доказывая, что идея решетки была «гениальной утопической догадкой» комиссии 1811 г., Колхас решительно отметает всякие попытки обоснования этого плана соображениями экономии и выгоды. Решетка — сугубо урбанистический феномен. Ни топография, ни экономика, ни политика, ни социальные причины не могут быть его достаточным внешним основанием. Что стоит за решеткой? Ничего! Наоборот, сама решетка, продукт чистого утопически-урбанистического воображения, является условием возможности всех последующих архитектурных решений.

Можно ли то же самое сказать о конкретных зданиях? Можно, но здесь подобный теоретический ход выглядит куда более уязвимым. Облик здания не проектируется в урбанистическом вакууме — на него влияют такие разнородные факторы, как вкусы заказчика, ограниченность ресурсов, технологические инновации, политиче-

ские настроения и юридические нормы (вроде знаменитого нью-йоркского закона о зонировании 1916 г.). И все же Колхасу удается вывести все внешние факторы и основания своего треугольника (решетка/лоботомия/схизма) за скобки манхэттенского уравнения при помощи простой двухходовки: решетка — продукт чистого урбанистического воображения, и она же — условие возможности схизмы и лоботомии. А значит, все три разреза делаются, по сути, одним скальпелем — стерилизованным скальпелем архитектурной логики.

Но что если мы откажемся следовать по проложенному Колхасом пути? Нет, мы не будем отрицать чистоту решения комиссии 1811 г. и пачкать манхэттенскую решетку, подводя под нее политические, экономические или социальные основания. Пусть решетка остается целиком во власти урбанистов, продуктом урбанистического мышления. Мы воспользуемся примером Колхаса и проведем еще один разрез — отделим решетку от схизмы и лоботомии, основанием которых она якобы является. И тогда мы увидим, что связь решетки и схизмы в колхасовской концептуализации не сущностная, а, скорее, риторическая. Схизма не есть производное архитектурного воображения и не есть проявление вездесущей идеологии манхэттенизма. Она — не простое продолжение процесса расцепления, запущенного на этапе планирования пространства острова. У схизмы иная логика, не имеющая достаточных оснований в чистом урбанистическом ego.

Это логика технологии.

Лифт

Предыстория, опущенная Колхасом, такова. В 1852 г. инженер-изобретатель Элиша Грейвс Отис перебрался в Нью-Йорк, где занялся преобразованием заброшенной лесопилки в фабрику по производству кроватей. На счету Отиса к этому моменту уже было несколько изобретений разной степени полезности и востребованности: от усовершенствованных хлебных печей до железнодорожных тормозов, которые должны были автоматически срабатывать в случае аварии. На нью-йоркской лесопилке ему потребовалось поднять обломки старого оборудования на верхние этажи здания. Отис, никогда прежде не проектировавший лифтов, быстро сконструировал подъемную платформу. Однако, опасаясь обрыва тросов, он снабдил ее железнодорожными тормозами собственного изобретения. Классический пример транспонирования технологии: механизм, придуманный для экстренного торможения поездов, оказался полезен для страховки самодельного лифта от падения. Отис назвал свое изобретение уловителями.

Конечно, лифты использовали задолго до изобретения уловителей. В XVII в. лифтом уже был оборудован Виндзорский замок, в 1795 г. И. П. Кулибин предложил свою собственную версию этого

устройства для Зимнего дворца. Но именно изобретение Отиса позволило сделать подъем на лифте безопасным, а значит — массовым.

Колхас отдает должное отисовскому гению: «Среди экспонатов [выставки в Кристалл-Паласе в 1857 г.] есть одно изобретение, радикальнее всех других изменившее лицо Манхэттена (и чуть в меньшей степени мира в целом) — лифт. Представление лифта подается публике как театрализованное зрелище. Изобретатель Элиша Отис залезает на платформу, которая двигается вверх, — кажется, что это и есть основная часть демонстрации. Однако когда платформа достигает высшей точки подъема, ассистент подает Отису кинжал на бархатной подушке [*на самом деле — топор, резать лифтовый трос кинжалом крайне непрактично. — **В.В.***]. Изобретатель берет кинжал, явно собираясь наброситься на самый главный элемент собственного изобретения — трос, поднимающий платформу вверх и теперь удерживающий ее от падения. Он действительно перерезает трос; раздается резкий хлопок. Ни с изобретателем, ни с платформой ничего не происходит. Невидимые предохранительные защелки — суть отисовского инженерного решения — не позволяют платформе грохнуться оземь. Так Отис делает открытие в области городской театральности: антикульминация как финал, отсутствие события как триумф. Лифт, да и вообще всякое техническое изобретение, несет в себе двойной образ: в его успехе всегда таится угроза поломки <...> Тема, предложенная Отисом, станет лейтмотивом грядущей истории острова: Манхэттен — это скопление множества возможных, но так и не случившихся катастроф» [с. 24].

Рис. 5. Демонстрация Отиса.

Парадокс

Что сразу бросается в глаза — удивительное невнимание Колхаса к мелким техническим деталям. Театральность подачи отисовского изобретения как будто затмевает собой техническую максиму лифта: уравнивание в правах верхних и нижних этажей. Если «в эпоху лестниц все этажи выше третьего считались непригодными для коммерческих нужд, а выше пятого — непригодными для жилья» [с. 85], то «благодаря изобретению лифта [*еще одна неточность — **В. В.***] на Манхэттене начинают множиться этажи» [с. 86].

Колхас подчеркивает — и делает это неоднократно, — что схизма, как окончательное и радикальное расцепление этажей, обязана своим появлением изобретению лифта. Следовательно, решетка — вовсе не ключевое условие ее возможности. Таким образом, основания этого феномена следует искать не в сфере чистого урбанистического воображения, а в области конкретной технологической практики. В отличие от решетки, схизма — явление технологического (а не архитектурного) порядка.

Расцепление

О каком именно явлении идет речь?

Поясним на нескольких простых примерах. Когда в комнате становится душно, мы открываем окно; в прежней технологической версии мы бы открыли форточку — сейчас просто поворачиваем ручку вверх, чтобы установить стеклопакет в режим проветривания. Если при этом за окном -30 градусов (как в данный момент, когда я пишу этот текст), мы вскоре предпочтем закрыть окно и через некоторое время продолжим страдать от духоты — пока снова не откроем окно. Наша комната сцеплена с внешним миром, несмотря на усилия двух относительно исправно работающих технических посредников: батареи центрального отопления и недавно установленных стеклопакетов. Без их посредничества квартира быстро стала бы необитаемой, утратив относительную климатическую автономию от внешнего мира.

Но это именно относительная автономия. Комната остается до некоторой степени сцепленной с холодной Москвой, и наш удел — осцилляция между «душно» и «холодно». Если бы в квартире была установлена комплексная система искусственного климата, эту проблему можно было бы решить (как, впрочем, и множество других проблем; меня поймут те, кто пережил четыре

года назад аномальную московскую жару и последствия пожаров на подмосковных торфяниках). Тогда относительная климатическая автономия квартиры, гарантированная сейчас лишь батареей и стеклопакетом, превратилась бы в полноценный суверенитет. Неслучайно в странах с жарким климатом (например, в ОАЭ или Израиле) команда по срочному ремонту кондиционеров выезжает на место почти так же быстро, как пожарные и скорая.

Другой пример эффекта расцепления — подземка. Если завтра московское метро (по неведомой мистической причине) прекратит работу, половина жителей города просто не смогут добраться до своих домов по верху. Десятилетиями мы перемещаемся из точки А в точку Б, измеряя это расстояние числом треков в плейере, прочитанными страницами или ответами на смс. Наши перемещения благодаря мощнейшей технологии подземного транспорта расцеплены с городским ландшафтом, дорогами, пробками, машинами, зданиями и остальной инфраструктурой. Пассажиры подземки обладают той степенью автономии от внешней среды, о которой автомобилисты могут только мечтать (но за это первым приходится расплачиваться личной не-автономией от внутренней среды вагона, которой автомобилисты боятся сильнее пробок).

Наконец, более экзотический пример. В чем принципиальное отличие старого доброго самолетного трапа от перехода типа «рукав»? Благодаря рукаву вам не нужно одеваться и нырять в ветер и рев аэродрома, не нужно подниматься по ступенькам трапа, восхищаясь и ужасаясь при виде ожидающего вас крылатого «Титаника». Вы можете пропутешествовать всю свою жизнь, облететь весь мир и ни разу не увидеть перевозящих вас машин иначе, как изнутри, или через стекло иллюминатора. Трап-рукав сцепляет пространство салона напрямую с пространством терминала, превращая их в подобие метро — мир, герметично замкнутый на себя и окончательно освобожденный от внешних условий своего существования.

В акторно-сетевой теории Бруно Латура и Джона Ло этот эффект называется «расцеплением» или «распутыванием» (disentangling) [Latour, 2004].

Эволюция

Естественный теоретический позыв — показать, что процессы расцепления и сцепления (entangling) симметричны. Каждому из них соответствует свое технологическое решение. Первым в социологии эту догадку высказал Георг Зиммель — его текст «Мост и дверь»[1] стал

1 Первый русский перевод данной статьи см. на стр. 145 этого номера.

своего рода манифестом подобного рода симметричных решений. Мост и дверь, по Зиммелю, — суть первоэлементы архитектуры per se. Мост — метонимия дороги, дверь — реверсия стены. Они воплощают две базовые функции любого сооружения: сцепление и расцепление.

Работа Бруно Латура «К социологии одной двери» предлагает отказаться от такой диалектической модели мышления. Нет никакой симметрии между установлением связи и ее разрывом. В естественном состоянии все уже связано со всем. Максима технической эволюции — производство разрывов и автономий. Именно поэтому дверь (стеклопакет, обогреватель, кондиционер) обладают чем-то вроде онтологического приоритета в сборке и переборке (reassembling) социального мира.

Движение рассечения и сепарации — основной вектор технической эволюции. Это движение от комплексного к сложному.

Для Латура подлинно комплексным является взаимодействие обезьян: «рассмотрим стаю из примерно ста бабуинов, живущих посреди саванны, постоянно следящих друг за другом, чтобы знать, куда идет стая, кто за кем ухаживает, кто на кого нападает, и кто от кого защищается. Затем нужно перенестись в воображении к излюбленной сцене интеракционистов, где несколько человек — чаще всего двое — взаимодействуют в уединенных местах, скрытых от взглядов других. Если „ад — это другие“, по выражению Сартра, то бабуинский ад отличается от человеческого: постоянное присутствие других оказывает воздействие, совершенно отличное от того, которое описывает «интеракционизм за закрытыми дверьми». Здесь необходимо провести различие между двумя принципиально различными значениями слова «взаимодействие». Первое, как уже было показано выше, относится ко всем приматам, включая людей, тогда как второе относится только к людям. Чтобы сохранить привычный термин, следует говорить о фреймированных взаимодействиях. Единственное различие между ними связано с существованием стены, перегородки, оператора редукции, «*je ne sais quoi*», чье происхождение пока остается неясным» [Латур, 2006, с. 175].

Что делает взаимодействие приматов комплексным? Их сцепленность, взаимосвязанность, соприсутствие, неавтономность друг от друга. Любой примат может вмешаться в действие любого другого. Что отличает взаимодействие людей? Расцепленность, дис-локация, дискретность — то, что Латур вслед за Ирвингом Гофманом называет «фреймированностью». Однако для Гофмана фрейм — это обобщенное именование контекста взаимодействия людей. Для Латура же это двери, перегородки, ширмы, укрытия, стены... иными словами, все те операторы дискретизации и расцепления, которые делают возможным вложение одних контекстов взаимодействия в другие без

всякой их сцепки. «Таким образом, — продолжает Латур, — всякий раз, когда мы переходим от комплексной социальной жизни обезьян к нашей собственной социальной жизни, нас поражает множество действующих одновременно сил, размещающих соприсутствие в социальных отношениях. Переходя от одного к другому, мы движемся не от простой социальности к комплексной, а от комплексной социальности — к сложной. Эти два прилагательных, хотя и имеют одинаковую этимологию, позволяют провести различие между двумя сравнительно разными формами социального существования. „Комплексное“ означает одновременное наличие во всех взаимодействиях большого числа переменных, которые не могут рассматриваться дискретно. «Сложное» будет означать последовательное присутствие дискретных переменных, которые могут быть исследованы одна за одной, и сложены друг в друга на манер черного ящика. «Сложное» точно так же отличается от комплексного, как и простое [Strum, Latour, 1987]. Коннотации этих двух слов позволяют нам бороться с предрассудками эволюционистов, которые всегда рисуют медленное движение вперед от обезьяны к человеку по шкале возрастающей комплексности. Мы же, напротив, спускаемся от обезьяны к человеку, от высокой комплексности к высокой сложности. Во всех отношениях наша социальная жизнь кажется менее комплексной, чем у бабуина, но почти всегда более сложной» [Латур, 2006, с. 180].

Дистанция

Функция технологий расцепления в чем-то аналогична функции противопожарных разрывов — прерывание цепочки коммуникаций. Эта функция удивительным образом напоминает то, что Колхас писал о функциях манхэттенской решетки — удержание урбанистического ego в границах отдельного квартала, но мы не будем проводить эту аналогию (поскольку обещали оставить решетку урбанистам). Именно в расцеплении и фреймировании состоит главное предназначение техники: «Обезьяны почти никогда не используют объекты в своих взаимодействиях. Для людей почти невозможно найти взаимодействие, которое не требовало бы обращения к технике. (Я использую это слово здесь для того, чтобы указать на modus operandi, где „артефакт“ или «объект» означают результат действия). Взаимодействия распространяются среди обезьян, охватывая постепенно всю стаю. Человеческое взаимодействие чаще всего локализуется, заключается во фрейм, сдерживается» [Латур, 2006, с. 191].

В другой своей работе, критикуя аргумент Вальтера Беньямина (и нападая на известный тезис Хайдеггера), Латур сформулирует эту максиму технической эволюции предельно афористично: «Техника не устраняет дистанцию, но создает ее» [Латур, Энньон, 2013].

Изобретение Элиши Отиса не устранило дистанцию между этажами, как мы привыкли думать. Оно позволило сделать их автономными друг от друга, провело между ними границу, замкнуло их на самих себя. Лестница — инструмент связи, лифт — технология расцепления. Проявлениями этого расцепления стали в равной степени небоскребы Реймонда Худа и описанные Колхасом феномены схизмы/лоботомии.

Фрейм

Конечно, высказанная выше гипотеза требует детальной проверки и отдельной статьи. Для рецензии будет достаточно маркировать описанные Колхасом феномены как феномены технологического расцепления. Это позволит нам вернуться к сюжету, лишь слегка затронутому в первой части текста.

Говоря о решетке, Колхас упоминает различные режимы, на которые разбивается городское пространство. Далее становится понятно, что схизма и решетка — суть две формы размежевания и автономизации режимов. Яркий пример — созданный Р. Худом проект самой высокой в мире церкви, в здании которой должны были уживаться многоярусная парковка, ресторан, концертный зал и собственно ритуальные помещения. Так о каких режимах идет речь?

Латур отвечает — о фреймированных взаимодействиях, понимая под фреймированностью прежде всего их отгороженность друг от друга. Но простой отгороженности, на которую влияет, например, толщина стен и качество звукоизоляции, недостаточно. В пределе отгороженность должна стать расцеплением: автономизацией и взаимным «обезразличиванием» (Латур называет этот процесс blackboxing) соположенных в пространстве форматов коммуникации.

Манифест

Несомненно, книга Рема Колхаса куда интереснее, сложнее и богаче того единственного сюжета, который мы здесь затронули. И работа социологов с собранным автором архитектурным материалом, несомненно, не закончена. Но нас интересует другое. Колхасовский урбанистический манифест может стать полигоном для испытания теоретических ресурсов социологии техники в их приложении к городской проблематике. Как меняется наше понимание городской среды, когда мы начинаем видеть основания автономизации этажей не в предшествующей автономизации кварталов (решетке), а в технологической максиме расцепления, т. е. максиме лифта,

а не квартала?

Этот вопрос потребует отдельной проработки.

Библиография:

1. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИСРАН, 2003.*
2. *Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006.*
3. *Латур Б., Энньон А. Как ошибки во множестве категорий приводят к известности. 2013. — http://gefter.ru/archive/10 660*
4. *Пирсиг Р. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. М., 1989.*
5. *Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford University Press, 2005.*
6. *Law J. After Method. Mess in Social Science Research. Routledge, 2004.*
7. *Strum S., Latour B. The Meaning of Social: from Baboons to Humans // Social Science Information. 1987. № 26.*
8. *Weiss P. Modes of Being. IL: Southern Illinois University Press, 1958.*